Анна Кей

Когда луна окрасится в алый

фэнтези

МИФ

Анна Кей

Когда луна окрасится в алый

Серия «Red Violet. Магия Азии»

Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69792991
Когда луна окрасится в алый / Анна Кей: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2023
ISBN 9785002142460

Аннотация

Миром правят боги. Эта истина проста и непреложна.

Генко – кицунэ и некогда преданная помощница богини плодородия Инари – была изгнана из Небесного царства за жестокую расправу над людьми, и вот уже две сотни лет живет среди смертных.

Йошинори – оммёдзи, вся его жизнь посвящена тому, чтобы уничтожать ёкаев и защищать людей. Он сильнейший, и именно его приглашают в забытую всеми деревню, чтобы разобраться с кицунэ. Вот только врагом оказывается вовсе не Генко. Есть те, кто жаждет возвыситься, сместить нынешних богов и установить собственные правила. И неизвестно, кто окажется победителем в битве между правителями этого мира.

Для кого эта книга

Для тех, кто хочет погрузиться в японскую мифологию и культуру.

Для всех поклонников азиатского фэнтези.

Для тех, кто хочет прочитать потрясающую книгу современного русскоязычного автора.

Содержание

Пролог 7
Глава 1. Лиса черная, лиса белая 15
Глава 2. Ворон, призрак и демон 28
Глава 3. Долгожданный гость 48
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Анна Кей
Когда луна окрасится в алый

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Анна Кей, 2023
© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Пролог

В лесу среди холодных заснеженных гор, скрывшись в тепле простого дома, на татами[1] в идеальной сэйдза[2] расположилась девушка, сосредоточенно выводя иероглифы на тонкой рисовой бумаге. Выверенными движениями каллиграфа с точностью мастера наносила она каждый штрих, когда двери дома резко отворились, являя на пороге юношу, совсем молодого, едва вошедшего в пору взросления, но уже жаждущего себя показать. Хозяйка даже не взгляну-

---

[1] Соломенные маты, которыми покрывают пол. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

[2] Один из традиционных японских способов сидения на полу.

ла на него, рука и дальше уверенно выписывала символы, и лишь глаза угрожающе сузились.

– Вот ты где! – прорычал незваный гость, но окрик его остался без внимания. – Я знаю, кто ты на самом деле! И все беды нашей деревни – из-за тебя!

– Ваша деревня сама виновна в своих бедах, – спокойным, холодным голосом ответила она, не поднимаясь с татами. Отложила толстую кисть и присыпала начерченный иероглиф процветания мелким речным песком, помогая туши высохнуть быстрее.

– Ты нас прокляла, ведьма! Не просто оборотень – кицунэ! – выплюнул юноша, доставая из ножен катану. Острие опасно блеснуло, когда длинный меч поймал луч солнечного света.

Девушка дернулась, как от удара. Расцветшая на губах холодная и несколько жестокая улыбка не предвещала ничего хорошего.

– О нет, вы прокляли себя задолго до того, как моя ярость окончательно обрушилась на вас, – прошипела она, грациозно поднимаясь. Алое кимоно переливалось золотом вышитых цветов. – Вы прокляли себя в тот момент, когда убили единственного человека, что не побоялся быть со мной. Когда ваши предки решили, что это неправильно, опасно, что это сулит им беды. О, они даже не подозревали, как правы! Но страдания пришли к ним только после того, как они погубили единственного, кто мог принести в их дома благо-

дать!

Резким, отточенным движением кицунэ бросилась на юношу, но тот успел увернуться, перекатившись на бок и крепче сжав оружие в руках. Ее угольно-черные волосы взметнулись перед глазами, застилая обзор юноше, поэтому он сильным ударом ноги отбросил девушку от себя. Она ударилась о сёдзи[3] – и от ее веса тонкая преграда между домом и садом порвалась. Кулем свалившись в глубокий снег, кицунэ тут же поднялась на ноги, не давая нападавшему расслабиться. Кимоно ее казалось уже не просто алым, а как растекшаяся по снегу кровь, взгляд темных глаз обещал мгновенную расплату. Ветер, появившийся неведомо откуда, разметал длинные волосы, и в ропоте приближающейся вьюги громом раздался голос кицунэ:

– Я – девятихвостая Генко, некогда хранительница этих мест и верная слуга Инари-сама[4], и ты, простой человек, думаешь, что сможешь одолеть меня? Тысячелетнюю лисицу?

Резкий смех раздался в воздухе, юноша содрогнулся, но продолжил стоять перед девушкой, не двигаясь с места.

– Ты еще пожалеешь, что решила проклясть нашу деревню!

Слишком стремительный шаг вперед – и он занес катану над вроде бы беззащитной лисой, острое лезвие сверкнуло

---

[3] Раздвижные двери.

[4] Сама – суффикс в японском языке, выражающий высшую степень уважения, аналог русского слова «господин/госпожа».

на солнце, и клинок резко опустился. До тела Генко оставалась лишь пара сун[5], когда она молниеносно увернулась от оружия, скользнув вправо и доставая из-за пояса тонкий короткий нож. В мгновение ока Генко оказалась за спиной юноши, лезвие уперлось ему в горло.

– Ты правда думал меня победить? – прошептала она. – За смелость я прощаю тебя, за глупость – отпускаю, но больше никогда не смей приближаться к моему дому. Передай это всем тем героям, которые задумают рискнуть и подняться ко мне. Ясно? Иначе пощады не ждите.

Нож исчез так же внезапно, как и появился. А кицунэ уже стояла поодаль и наблюдала за неудавшимся героем спокойным, равнодушным взглядом, словно ожидая, когда же он уйдет. Юноша злобно посмотрел на Генко, спрятал катану в ножны и слегка поклонился.

– Я преклоняюсь перед вашей силой, – сквозь зубы процедил он. – Но я вернусь. Как только стану сильнее – вернусь! И отомщу за свою деревню!

– Что ж… я буду ждать, – так же спокойно произнесла лиса и двинулась в сторону дома. Остановившись перед разрушенной стеной, она оглянулась и с издевкой произнесла: – Только поторопись. Не хочу потом бороться со стариком, единственное оружие которого – остатки разума.

Юноша скрипнул зубами от злости, но смолчал и ушел в противоположную сторону от ухмыляющейся кицунэ.

---

[5] Японская мера длины, равная 3,03 сантиметра.

Генко проводила его взглядом, и наблюдающий из-за дерева кодама[6] задумчиво склонил свою излишне большую по сравнению с тельцем голову набок и внимательно посмотрел на кицунэ. Существо с трудом забралось на священные веревки – симэнаву, которые опоясывали дерево, и принялось ждать указаний.

– Когда отдохнешь, передай Кагасе-о, что сегодня я не принимаю гостей. Мне не мешало бы сначала навести порядок в доме, – мягко коснувшись рукой поврежденной стены, негромко произнесла Генко.

Кодама на дереве понимающе склонил голову набок, выражая согласие, и растворился в спускавшемся с вершины горы тумане. Генко же нахмурилась – в последнее время ками[7] гневались все чаще: борьба людей за власть, в которой сёгун стремился сместить императора, делала богов слабее. Люди не молились, больше сосредоточенные на войне, и это отнимало силу ками. И способностей Генко порой не хватало, чтобы хоть немного скрыть их недовольство. Не удивительно, что люди в очередной раз решили, что именно она виновна во всех их бедах. Словно когда-то было иначе.

Раздраженно фыркнув, Генко присела на искрящийся снег. Притаившиеся под сваями лисы тут же выскочили наружу и внимательно посмотрели на свою хозяйку. Жар от ее ладоней – лисье пламя, которое не прекращая горело в ней

---

[6] Дух дерева или же само дерево, в котором живет дух.

[7] В синтоизме духовная сущность, бог.

с момента, как она стала кицунэ, – растопил небольшую лунку и довольно быстро прогрел скованную морозом землю. Пар на мгновение ослепил, но быстро рассеялся, явив частицу грунта. Генко проворно нырнула пальцами в теперь уже податливую землю, нащупывая ее жизненные нити.

Земля казалась неправильно слабой. Обычно такой она становилась на исходе осени, когда собирали последние урожаи, но отдыхала за зиму и к приближению весны, как сейчас, уже набиралась сил и наполнялась жизнью, чтобы вновь дарить урожай. Генко тревожно поджала губы и приложила вторую руку к груди, где теплом разливалась ее сила. Энергия в теле забурлила, вспыхнула пламенем на кончиках пальцев, погруженных в землю, и устремилась в почву. Закрыв глаза и сосредоточившись на своих ощущения, Генко следила за тем, как сила растекается по земле, как мчится к деревне, оседает на полях, обещая богатый урожай и питая озимые культуры.

Удовлетворенная результатом, Генко небрежно вытерла испачканные пальцы о талый снег и встала. Кимоно промокло, отяжелело и прилипало к коленям, но Генко, словно не замечая этого, направилась в дом. Стену уже пыталась восстановить пара мелких духов, что-то возмущенно стрекоча и явно не зная, как все исправить. Генко одарила тружеников равнодушным взглядом, поднимаясь по ступеням в дом. Конечно, пролезть через дыру в стене было бы проще и куда быстрее, но она считала себя вполне приличной ли-

сой и не желала мешать духам, которые искренне старались понять, что делать.

– Из префектуры Иватэ скоро прибудет дзасики-вараси[8], она заботливо следит за старыми домами и одна из немногих ёкаев[9], которая не будет вас обижать. Возможно, она знает, как починить повреждения, – как бы между прочим сказала Генко. Духи тут же возмущенно загалдели, оскорбленные тем, что к ним в дом вот-вот подселится посторонний, и принялись усерднее копошиться у стены.

Генко неторопливо вошла в комнату и убрала бумагу с написанным иероглифом, вычистила кисть для каллиграфии и чернильный камень. Короткое сражение напрочь отбило желание продолжать писать пожелание старому знакомому, так что картина бамбукового леса осталась незавершенной. Решив, что окончит ее в ближайшее время, Генко отправилась на кухню, стараясь ничем не выдать свое напряжение, чтобы не пугать духов. Все они были маленькими и безобидными, слабыми и откровенно трусливыми, поэтому Генко меньше всего хотела бы нагонять на них страх.

Земля, что имела так мало жизни, была дурным знаком. Не так давно тэнгу[10] жаловался, что птиц стало подозрительно мало, а живущий неподалеку тануки, с которым

---

[8] Дух дома, аналог русского домового.

[9] Ёкай – общее название демонов в японской мифологии, которые могут превращаться в людей.

[10] Японский гоблин, часто имеющий вороноподобный облик.

Генко любила устраивать словесные перепалки, вдруг сказал, что намерен ближе к лету уйти глубже в горы. Чутье, которое, по словам тануки, прежде не подводило старого ворчуна, буквально вопило: что-то грядет.

– Интересно, – протянула Генко, ставя на огонь чан воды. – Знает ли Инари-сама о происходящем?

В горах растекался густой туман, погружая притаившийся дом в непроглядное марево. Ветер успокоился, и только перешептывания духов у сломанной стены нарушали воцарившуюся тишину. Генко глубоко вздохнула.

Что-то близилось.

Глава 1. Лиса черная, лиса белая

Деревня Сиракава, как всегда казалось Генко, появилась среди гор совершенно внезапно и со временем все глубже зарывалась корнями в эти земли. Рисовые террасы, что летом и осенью зеленели повсюду, куда ни посмотри, крутые крыши, что выдерживали тяжесть выпадающих снегов, и абсолютная отрезанность от остального мира. Порой Генко не понимала, почему люди вообще решили здесь поселиться, если с конца осени и почти до середины весны они никуда не могли выбраться. Дороги заваливало такими непроходимыми сугробами, что путь в столицу был отрезан, а ко-

гда снега сходили, то болото, в которое превращалась земля, продолжало препятствовать поездкам. Саму Генко это устраивало – чем меньше людей, тем лучше.

Несмотря на то что почти заканчивался яёй[11], снег в этом году не спешил сходить, из-за чего Генко недовольно ворчала, пробираясь по заметенной торговой улице. Капля волшебного тумана – и вместо коварной лисы жители видели старую знакомую, госпожу Нисияму, чью-то дочь. Только вот чью, вспомнить они не могли, да и не пытались, одурманенные чарами. Это позволяло Генко навещать деревню, чтобы разжиться чем-то новеньким или сладким. Лисы бесшумными тенями скользили за своей хозяйкой, дразня собак, прячась в тени высоких – в два, а то и три этажа – домов и порой стягивая с прилавков то отрез яркой ткани, то тушку цыпленка, то пучок зеленого лука. Генко же подкидывала в кошельки торговок и торговцев звонкие монеты и отводила взгляд продавцов, чтобы никто из них не заметил пропажу. Останавливаться и говорить с людьми она желала редко. Хотя и платила не всем – особо ворчливые или же завышающие цены оставались без прибыли и с отсутствующим товаром. Тогда по торговой улице разносилась отборная брань, перекрывая злорадное хихиканье Генко.

– Свежая рыба! Выловлена этим утром!

– Молодой поросенок!

---

[11] «Месяц произрастания», март.

– Хурма! Хурма, юдзу[12], сливы и мандарины!

Голоса торговцев, что перекрикивали друг друга, сливались в один нестройный шум, который давил на Генко, но она упрямо продолжала шагать вперед, точно зная, что ей нужно. Почти в самом конце торгового ряда расположилась маленькая лавка сладостей, где продавали данго[13], за которыми кицунэ сегодня и пробралась в деревню.

Простое, но излишне теплое и потому тяжелое кимоно не давало двигаться быстро, но так даже лучше – порывистые движения Генко сразу бы выдали в ней ёкая. Как и яркое и не по погоде легкое одеяние, которое она обычно носила. Люди и их практичность. И слабое здоровье, конечно, про него нельзя было забывать. Только поэтому, спускаясь в деревню, Генко и надевала одежду потеплее. Даже если это и приносило некоторые неудобства.

– О, госпожа Нисияма! – Старая женщина, владелица лавки со сладостями, беззубо улыбнулась и мгновенно засуетилась, стоило только Генко приблизиться. – Вам как обычно?

Генко кивнула, отвечая на улыбку и отстраненно думая, что вскоре придется менять облик скрывающего ее тумана и имя. Сколько она уже ходила под личиной Нисияма Кику? Четыре года? Пять? В любом случае слишком долгий срок. Еще немного – и даже последний деревенский глупец начнет задаваться вопросом: почему госпожа Нисияма ни кап-

---

[12] Фрукт рода Цитрус. Гибрид мандарина и лимона.

[13] Сладкие шарики из клейких сортов риса.

ли не постарела? Не говоря уже о том, что ее руки слишком нежные для той, которая якобы работает в поле большую часть года.

Шум на другой стороне улицы отвлек Генко от размышлений, вернув ее в реальность. Излишне возбужденные и радостные голоса деревенских заставили насторожиться, и спрятанные магией лисьи уши едва не встали торчком, готовые уловить малейший намек на опасность. Счастливо галдящие люди никогда не предвещали ничего хорошего.

– В этом году точно все будет замечательно!

– У дочери свадьба на следующей неделе – будет у молодых радость в супружеской жизни!

– Торги будут удачными!

– Не может быть более очевидного благословения от Инари-сама, чем это!

Генко скривилась, словно съела особенно кислый юдзу. Стоило людям упомянуть Инари-сама – как все сразу встало на свои места.

Бьякко. Эта белая прохвостка опять прибыла с какой-то особой целью и в очередной раз пыталась навязать Генко свои условия. Вот только не на ту напала.

Генко решительно отвернулась от шумящей толпы, безошибочно выцепив взглядом мелькнувший среди прилавков белоснежный хвост с серебристым кончиком. Бьякко хотела заставить Генко играть по своим правилам, как делала это прежде, да только не для того Генко уже почти две сотни

лет жила рядом с людьми, чтобы вновь безоговорочно следовать за младшей сестрой. Генко не собиралась оборачиваться лисой и догонять Бьякко, которая, как и все, забыла о неугодной старшей сестре. В конце концов, узнать последние небесные сплетни – с чем еще могла прийти к ней Бьякко? – она могла с помощью саке[14] от редкого гостя Нурарихёна[15], который последние три десятилетия безуспешно пытался затянуть Генко на свой парад сотни демонов.

Так что нет, она не пойдет за Бьякко, как бы сестре того ни хотелось.

Расплатившись со старухой парой монет, Генко двинулась в сторону местного питейного заведения, быстро съедая сладкие шарики с острой палочки. Не то чтобы она любила выпить, но почти все ее знакомые ёкаи отдавали предпочтение саке, а потому и Генко приходилось приспосабливаться к столь ужасным вкусовым пристрастиям. Отсутствие большого круга общения приучило ее быть вежливой и приветливой хозяйкой. Сама она предпочла бы насладиться чаем с данго. Не стоило, наверное, смешивать эти два вкуса. Когда-то давно Генко переняла привычку запивать данго чаем у детей и с тех пор ей не изменяла.

Единственная питейная в деревне встретила Генко крас-

---

[14] Традиционный японский алкогольный напиток, изготавливаемый на основе риса.

[15] Нурарихён – ёкай, который выглядит как добродушный старик с большой головой. Часто изображается как лидер всех демонов, который руководит парадом сотни демонов – шествием всех ёкаев в ненастные ночи по улицам Японии.

ным занавесом и незажженными фонарями. Круглолицый владелец, низкий, удивительно худой и излишне бледный, не выказал ни капли удивления при виде молодой девушки, однако посмотрел на Генко осуждающе. Поклонившись в знак приветствия, он молча повел ее за собой в дальний угол, хотя кицунэ о такой приватности и не просила. Это происходило не в первый раз – владельцу не было дела до желаний посетительницы, он пытался поддерживать внешний вид добропорядочного хозяина, который не спаивает молоденьких девиц.

Люди и их глупые правила поведения.

Генко немного ускорилась, решив не портить впечатление о себе: она намеревалась еще пару раз сюда зайти. Кислый запах болезни шлейфом тянулся за владельцем, объясняя его необычайную бледность. Генко повела пальцами, распутывая сковывающий его мрак, и увидела потоки ки[16] – истончившиеся, бледные, поддерживаемые одной лишь силой воли. Наверняка яд. Любопытно, кто же травит владельца единственной питейной в деревне?

Люди постоянно причиняли друг другу зло и при этом обвиняли в своих несчастьях всех известных ками и ёкаев, поэтому Генко отмахнулась от мыслей о судьбе владельца и уселась на татами, поправила кимоно и вперилась взглядом в дверь. Бьякко не торопилась. Очевидно, она ожида-

---

[16] Ки (от *кит.* ци) – концепция в культуре, характеризующаяся как духовная энергия, которая пронизывает все мироздание.

ла, что именно сестра придет к ней, как это бывало прежде. Жаль только, что обстоятельства и взгляды Генко на жизнь изменились.

Хозяин питейной уже принес и выпивку, и закуски, когда белая лиса соизволила объявиться. Длинная морда выражала крайнее возмущение как выбранным местом, так и тем, что Бьякко лично пришлось сюда идти, но она ничего не смела сказать. Когда владелец расставил закуски на столике и ушел, а помещение погрузилось в приятную тишину, лиса обратилась в человека и опустилась на татами точно напротив Генко. Бьякко расправила несуществующие складки на богатом кимоно, прежде чем посмотреть на ту, кого посетила.

Они были двумя противоположностями, совсем как инь и ян. Бьякко – белая от корней своих длинных волос и до посеребренных кончиков всех девяти хвостов, со светло-серым, как морозное утро, прищуром, и Генко – с угольной чернотой лоснящихся прядей и глазами столь темными, что беззвездная ночь порой казалась яснее. Густой туман скрывал их сейчас от любопытства смертных, но позволял быть самими собой друг перед другом.

– Не знала, что ты любительница крепких напитков, старшая сестра, – начала Бьякко, прекратив рассматривать Генко и сосредоточившись на столе.

– Я любительница чая, но приличного заведения такого рода здесь еще не открыли. Люди предпочитают забыться,

а не наслаждаться мягким вкусом маття, – проворчала в ответ Генко, уверенным движением взяв тонкий кувшин и ловко наливая саке в пиалу, которую протянула сестре.

– А выглядит, будто ты здесь частый гость. – Бьякко кивнула и, едва пригубив напиток, тут же отставила его в сторону. – И, думаю, некоторые люди могут наслаждаться и саке. Вряд ли все пьют его только для того, чтобы забыться. Ценители есть везде и во всем…

– Бьякко, – оборвала сестру Генко. – Ты прибыла сюда не для того, чтобы обсуждать со мной выпивку. В чем дело?

– Инари-сама интересуется тобой, – тут же ответила она, поджав губы.

– И ты?..

– Пришла, чтобы понять, готова ли ты вернуться к нашей богине.

Генко промолчала и допила саке Бьякко. Ей нужно было чем-то себя занять, даже если это означало осушить пиалу.

Не то чтобы она не ожидала, что Инари когда-то вспомнит о своей падшей слуге, но не думала, что это произойдет спустя столько времени. Несколько десятилетий – обычный срок для наказания, но Генко провела на земле без возможности вернуться на Небеса куда дольше. Порой она боялась, что о ней забыли, но потом наведывались старые знакомые, посланники ками и некоторые ёкаи, – и тогда Генко понимала, что она есть, что еще жива.

– Судя по всему, я не готова. – Голос звучал на удивление

ровно, хотя внутри все дрожало от волнения. Генко глубоко вздохнула, задержала дыхание и уже куда спокойнее посмотрела на Бьякко, взгляд которой был задумчивым и немного грустным.

– Инари-сама хочет вновь видеть тебя рядом с собой.

– А ты? – тут же спросила Генко.

– Как никто другой, – не раздумывая ответила Бьякко.

– Раньше, помнится, ты меня на дух не переносила.

– Раньше я не понимала, что значит быть единственной посланницей нашей ками-сама! То, что прежде делилось пополам, теперь свалилось на меня одну, и я не могла взять и сказать, что это слишком тяжело!

– Куда делись остальные помощники? – Вспышка Бьякко повеселила Генко.

– Они абсолютно бесполезные! – возмутилась Бьякко, схватив кувшин, и наполнила пиалу, что забрала у Генко. – Конечно, те, что прежде подчинялись мне, и дальше продолжают помогать во всем, но твои лисы!.. Они неуправляемые! Сотню лет они еще как-то старались что-то делать, но последние несколько десятилетий совершенно разленились!

– В следующий раз, когда их увидишь, пригрози, что угостишь листьями жареного бадьяна, – расхохоталась Генко. Кто бы мог подумать, что ее лисы окажутся столь безответственными, стоит потерять своего генерала!

Бьякко вздрогнула и поморщилась, представив себе этот вкус. Ни для кого не секрет, что кицунэ ненавидели бадьян.

Зато лисы обожали жареных крыс. Какая кицунэ проболталась об этом людям, никто не знал, но остальные лисицы порой проклинали говорливую сестру, когда люди вычисляли их.

– Инари-сама будет ждать твою молитву во время Обона[17] этим летом, – немного помедлив, произнесла Бьякко. – Праздник поминовения усопших – хорошее время, чтобы покаяться и вновь объединиться с нашей богиней.

Генко кивнула, чувствуя, как ослабевает узел в груди. Только… все же почему так долго? Когда она задала этот вопрос сестре, Бьякко поморщилась:

– Я не знаю. Если честно, я всегда считала, что Инари-сама вернет тебя через год-другой, ведь ты была ее самой преданной помощницей, ее генералом. В крайнем случае лет через десять, но она так долго молчала, буквально забыла о тебе, вспоминая лишь изредка! А пару дней назад Инари-сама сказала, что твое наказание несправедливо затянулось.

Генко нахмурилась. Звучало не просто странно, а тревожно. Не то чтобы Инари была исключительно доброй богиней. Как и все ками, она проявляла жестокость в своих решениях и поступках. Нередко она лишала своих лис возможности стать кицунэ и изгоняла из свиты. Людей карала столь скудными урожаями, что их едва хватало, чтобы пережить зиму.

---

[17] Обон, или Бон, – традиционный трехдневный праздник поминовения усопших, также известный как «Праздник фонарей». В это время люди вывешивали зажженные фонари, чтобы усопшие нашли путь домой. Отмечается с 13-го по 15-й день седьмого месяца по лунному календарю.

Благодать покидала дома, начинались ссоры. Никто не желал портить отношения с Инари.

Но Инари помнила абсолютно всё, и подобная забывчивость была чем-то новым.

– На Небесах что-то случилось? – спросила Генко, обдумывая сказанное.

– Несколько мацури[18] так и не были проведены, из-за чего мелкие ками оскорбились, и с тех пор их не видно, но больше ничего, – пожала плечами Бьякко, выбирая закуску к саке.

– Люди не провели пару праздников в их честь – и ками разобиделись? – фыркнула Генко, закатывая глаза. Это было уже слишком. Люди постоянно обо всем забывали. Так стоило ли из-за этого так расстраиваться?

– Да, – кивнула Бьякко и вдруг резко вскинула голову, устремив пустой взгляд на сестру.

Генко знала, что происходит: Инари звала свою посланницу. Генко скучала по этим ощущениям: чувствовать, как благодать богини проходит сквозь все тело, наполняя мощью куда большей, чем кицунэ уже обладали, очищая и восстанавливая ки. Знать, что к тебе прикоснулось божество, благодаря которому ты фактически появилась на свет в обличье кицунэ… Никто не знал желания Генко – хотя бы раз испытать все это вновь.

– Мне пора, – произнесла Бьякко серьезно и твердо. – До Обона меньше четырех месяцев, поэтому постарайся ни-

---

[18] Фестиваль почитания бога.

чего не натворить за это время, хорошо? И еще – будь осторожна. В последнее время оммёдзи[19] стали куда активнее обычного.

Только последние слова повисли в воздухе – как перед Генко уже стояла белоснежная лиса. Она взмахнула на прощание хвостом и умчалась на улицу, оставив после себя легкий запах магнолии.

Оммёдзи? Генко застонала. Только их не хватало! Эти одаренные, или – как их любили называть люди – благословенные, чаще всего пытались изгнать или убить всех подряд, не раздумывая, добрый перед ними ёкай или злой. Почти во всем, что существовало в этом мире, жил свой дух, и порой по ошибке можно было изгнать того, кто защищал человека. Но кого это интересовало? Последователям оммёдо только и нужно было, что бахвалиться друг перед другом количеством уничтоженных ёкаев.

Оставив на столе плату за саке, Генко плавно поднялась с татами и бесшумно растворилась в тумане, обратившись в черную лису. В этом облике вернуться домой, чтобы все обдумать, было быстрее, да и притворяться человеком сейчас совершенно не хотелось. Сопровождающие ее лисы рыжими тенями скользили следом, мастерски избегая людских глаз. Начался снегопад, обещая скрыть следы лап.

«Последний снег этой весной».

---

[19] Человек, практикующий оммёдо – оккультное учение, состоящее преимущественно из совершения гаданий, изгнания злых духов и защиты от проклятий.

Лисы громко затявкали, подтверждая мысли Генко, и ускорились, уходя выше в горы.

Глава 2. Ворон, призрак и демон

Кровь была повсюду.

Она яркими брызгами горела на снегу, ударила в нос запахами соли и железа, утраченной жизни и смерти.

Генко напряглась и заозиралась. Обычная прогулка по лесу – обход владений, которые она оберегала, – отчего-то вдруг превратилась в созерцание жуткой и неприятной картины.

Кровь была человеческой, в этом Генко была уверена так же крепко, как и в том, что за спиной у нее девять хвостов. Вблизи Сиракавы не водилось ни одного хищного зве-

ря: никто не смел ступать на территорию, которую кицунэ признала своей. А местные духи были столь покладистыми, что скорее погибли бы сами, чем кому-нибудь навредили. Поэтому вид и запах человеческой крови – густой, насыщенный, тяжестью оседающий во рту – особенно настораживал.

Тела или хотя бы его крупных частей нигде не было. Только изредка попадались раскиданные по опушке внутренности да несколько пальцев. Часть печени, кусок легкого, кишки… Сердца не нашлось, как и мозга. Лишь кровь, кровь и кровь.

Генко поморщилась. Она слишком давно не видела насильственной смерти, особенно от рук ёкая, и в своем предположении не сомневалась. Однажды она стала причиной гибели жителей Сиракавы, но с тех пор никого и ни разу в этих местах не тронул ни один ёкай. То, что люди убивали друг друга, было совершенно иным делом.

Нависшая над горным лесом тишина казалась удушающей. Генко, не скрывая своей сути, позволила лисьим ушам стать торчком, но услышала только треск раскачивающихся от ветра деревьев. Впервые за долгое время она подумала, что лес может быть не просто домом, а по-настоящему пугающим и опасным местом.

Девять хвостов веером легли на окровавленный снег, когда Генко присела и коснулась пальцами остатков печени. Пальцы тут же свело от холода, а голову заполонили картинки жизни погибшего. Мужчина не был стар, но уже утратил

молодую прыть. Да и сломанная когда-то нога – следствие падения с лошади – не помогала ему проворно передвигаться по заваленному снегом лесу.

Он пришел за дровами. Запасы, собранные на зиму, истончались из-за затянувшихся холодов, и оставшихся хватило бы не больше чем на пять вечеров. Генко знала, что порой деревенские приходили в лес за валежником, вот только они всегда благополучно возвращались домой.

Отвлекаться на собственные мысли и рассуждения было плохой затеей, следовало быстрее разобраться с возникшей проблемой, так что Генко вновь сосредоточилась на последних отрывках жизни мужчины.

После смерти жены он жил один в небольшом домике, оба сына уехали покорять столицу, а потому много дров ему и не требовалось. Парнишка, за которым он присматривал, тоже вырос и заботился о себе сам, – и Генко не смогла удержаться от ухмылки, – тот самый, что ворвался к ней недавно, угрожая мечом. Дышать стало сложнее, а снег из ослепительно-белого наряда невесты превратился в почерневшее, как от золы, траурное одеяние.

Генко резко отдернула руку от печени, будто обожглась. Она знала эти ощущения, но так давно не испытывала их, что сначала даже не поверила, чт*о* именно чувствует. Липкий страх, давящее чувство отчаяния и удушающий смрад крови и пота.

В последний раз она сталкивалась с они[20] во время службы у Инари. Коварные и подлые, почти все они любили издеваться над людьми, изводили настолько, что те умоляли убить их, только бы прекратить страдания. Поговаривали, что некоторые они вдохновлялись ханьскими пытками, которые подсмотрели в империи Цинь[21], а потому заставляли своих жертв мучиться особенно долго.

Будучи генералом Инари, Генко несколько раз сталкивалась с они, по приказу богини уничтожая особо свирепых демонов, самых сильных и жестоких, настолько беспощадных, что те угрожали даже младшим ками. В каждой такой битве Генко теряла сотни своих яко – рядовых лисиц и десятки ёрикама – более сильных и талантливых лис. Каждая их смерть камнем оседала в душе Генко и давала возможность выплеснуть гнев и жажду мести на следующего они. Вот только это приводило к тому, что лисы вновь погибали.

Замкнутый круг, из которого Генко не знала, как выбраться.

Они, напавший на человека, вряд ли был так же силен и жесток, как те, с кем прежде билась Генко, но и она больше не имела благодати Инари, а значительную часть своих сил тратила на то, чтобы поддерживать эти земли плодородными

---

[20] Клыкастые и рогатые человекоподобные демоны с красной, голубой или черной кожей.

[21] Последняя империя, включавшая в себя весь Китай. Народ хань – самоназвание китайцев.

и отгонять мелкую нечисть, дабы та не пакостила особенно сильно.

Звук хлопающих крыльев заставил Генко подняться с земли и вскинуть голову, чтобы поприветствовать гостя. Карасу-тэнгу, верный посланник ками, предпочитавший не называть свое настоящее имя, выглядел взволнованным и встревоженным, так что даже маска на лице не могла этого скрыть. Он осмотрел окровавленный снег, но не издал и звука, пока не приземлился рядом с Генко и не сложил за спиной свои крылья. Казалось, что перья трепыхались на ветру, но Генко видела, как мелко дрожат его плечи – не от страха, но от напряжения, проскользнувшего в ки ёкая. Вероятно, он хотел провести приятный вечер в компании старой приятельницы и знатно напиться, тем более что в прошлую встречу ему был обещан новый сорт саке, но обстоятельства сложились иначе.

– Что случилось? – тут же задал он вопрос, глядя себе под ноги, чтобы случайно не наступить на следы побоища, и снял маску.

– Они, – ответила Генко, вслушиваясь в шепот ветра. – Понятия не имею, как он забрел в эти края и как посмел напасть на человека, когда земля под моей защитой, но мне это не нравится.

– Они становятся все более дерзкими, – нахмурился Карасу-тэнгу.

– О чем ты?

– В последнее время они стали нападать куда чаще, чем раньше. А люди все чаще стали обращаться к оммёдзи и домашним ками. Но что те могут сделать? Мико и каннуси[22] тоже начали действовать, хотя раньше только сидели в храмах: обряды очищения, создание большего количества талисманов и амулетов…

– Пару дней назад ко мне приходила Бьякко, – сказала Генко, а Карасу-тэнгу заинтересованно выгнул бровь, пряча ладони в рукава кимоно, и совсем по-птичьи склонил голову к плечу. – Она тоже говорила про оммёдзи, просила быть осторожнее. Они набрали такую популярность?

– Да, Бьякко-сан[23] права, люди действительно стали больше почитать оммёдзи. Но, пожалуй, тому причина Такаги Йосинори.

– Кто?

– Молодой и весьма талантливый мастер оммёдо. Говорят, он невероятно силен, а известность получил благодаря тому, что спас императора. Всегда в гуще событий. – Карасу-тэнгу встряхнулся, взъерошив перья, и добавил чуть погодя: – Возможно, рост числа оммёдзи не так плох, как кажется.

– Возможно, – неопределенно ответила Генко, глубоко вздохнув. В нос врезался горьковатый запах хризантем,

---

[22] Мико и каннуси – служители синтоистских храмов.

[23] Сан – нейтрально-вежливый суффикс, обозначающий отношение к равному по возрасту и/или социальному положению собеседнику, аналог русского местоимения «вы».

она резко обернулась.

Карасу-тэнгу непонимающе посмотрел на кицунэ, но, проследив за ее взглядом, тихо охнул.

Среди деревьев, почти сливаясь с белой дымкой тумана, что покрывал землю, стояла фигура. Пожалуй, не совсем стояла – виднелась лишь верхняя половина тела мужчины, а вот ноги отсутствовали, и бедра его сливались с молочным маревом. Белое кимоно усиливало эффект слияния, и темные с проседью растрепанные волосы казались чернильным пятном на светлом фоне.

– Юрэй? Я думал, что их здесь не бывает, – пробормотал Карасу-тэнгу.

– Это погибший. Тот, чья кровь повсюду, – ответила Генко и почтительно поклонилась призраку.

Юрэй неуклюже поклонился в ответ. Он выглядел несчастным и одиноким на фоне голых деревьев. Руки безвольно висели, напоминая ветви плакучей ивы, отчего печальный образ призрака вызывал еще больше жалости.

– Чего ты хочешь? – Карасу-тэнгу говорил негромко, но в тишине леса его голос прокатился раскатом грома.

В ответ прилетело неразборчивое мычание, ворон нахмурился и перевел взгляд на Генко, отчаянно нуждаясь в расшифровке сказанного.

– Он просит мести, – холодно ответила Генко, пряча ладони в рукавах кимоно.

Взгляд темных глаз Карасу-тэнгу стал тяжелым, мрачным

и пугающим, и он усмехнулся – зло и предвкушающе.

– Значит ли это, что вскоре мы можем услышать о возвращении легендарного генерала Инари-сама?

– На моих землях буйствует они. Сам как думаешь?

Юрэй еще раз почтительно поклонился и растворился в тумане, оставив старых товарищей наедине. Генко еще какое-то время смотрела туда, где был призрак, а после втянула носом воздух, пытаясь унюхать демона. Тэнгу взмыл в воздух, оглушительно хлопнув крыльями, намереваясь осмотреть лес с высоты, пока кицунэ искала следы понизу.

Сначала ожидаемо был густой запах крови – все такой же тяжелый и удушающий, путающий мысли и вызывающий желание тряхнуть головой, только бы избавиться от наваждения. От него Генко отмахнулась, умело задвигая назад, на границы сознания, и стараясь вычленить запах убийцы. Следом шел запах пота, мускуса и страха – так пах мужчина – Ясуо, услужливо подсказали воспоминания погибшего – в последние мгновения жизни. И лишь в последнюю очередь кицунэ ощутила их: едва заметный запах разлагающегося тела, смрад гноящихся язв с примесью сладости цветов. Запах они.

По всей вероятности, демон был молодым – не старше пары сотен лет, ничто по сравнению с самой Генко. Однако наглости ему было не занимать. Или же глупости – тут еще предстояло понять, чего же больше. Кицунэ мысленно зацепилась за запах они, заставляя себя сосредоточиться на нем.

И стоило только за него ухватиться, как Генко тут же опустилась на четвереньки, еще глубже втягивая воздух в легкие.

След вел выше в горы, где снег не сходил до самого сацуки[24] и питал местную реку. Генко знала бога той реки – они были старыми приятелями, – и меньше всего ей хотелось, чтобы на подвластной ему земле, в реке, откуда он черпал свои силы, осел они.

Громко свистнув, призывая всех имеющихся поблизости лис, Генко распушила хвосты и устремилась в погоню, ведомая зловонием демона. Карасу-тэнгу крикнул что-то сверху, но слова потерялись в свисте ветра в ушах и лае приближающихся помощников. Генко слышала всех лис. Слышала, как ступают по снегу их лапы, как тяжело они дышат и как перелаиваются между собой, подгоняемые азартом и предвкушением битвы.

Уже очень давно Генко не испытывала подобного: смесь легкой паники и желания поскорее вцепиться демону в глотку, чтобы рвать, терзать, ломать…

Генко тряхнула головой. Не стоило сосредоточиваться на том, что еще не произошло. Да и где гарантии, что они найдут наглеца? Судя по тому, что они талантливо подавлял свои запах и ки, скрываться он тоже мог довольно умело, и только то, что Генко была опытной охотницей с исключительным обонянием, давало надежду на успех.

Лисы приближались к ней с завидной скоростью, разго-

---

[24] «Месяц рисовых посевов», май.

ряченные бегом и в целом готовые к битве. Стоило им поравняться со своим генералом, как Генко ускорилась, ведя их за собой, поднимаясь все выше и выше, пока деревья не начали редеть, открывая рукотворно созданную прогалину, в центре которой, на массивном камне, сидела ее добыча.

Они был молод: рога еще не достигли длины в десяток сун, а небольшие клыки едва торчали из пасти. Но массивное темно-синее тело покрывали шрамы и ожоги – знаки множества битв. Перед Генко сидел бывалый воин, а потому не стоило недооценивать противника. Генко окинула внимательным взглядом демона, с легкой досадой отмечая, что одно только предплечье они было толщиной с ее бедро. Демоны славились могучим телосложением, но этот парень превосходил многих виденных ею прежде. И при этом он еще даже не обрел полной мощи.

– А ты быстро меня нашла. Я не оставил ни капли крови по пути сюда, да и энергию сдерживал, – говорил он неторопливо, голос был низким и хриплым, словно ему прежде не раз перебивали горло и поэтому голосовые связки работали с трудом. Лениво, как кот, они поднял руку и облизал пальцы, покрытые засохшей кровью и остатками внутренностей. Из окровавленной пасти, растянутой в жалком подобии улыбки, вырывались пар и смрадное дыхание, которое Генко чувствовала даже со своего места.

– Ты воняешь мертвечиной. – Она выровнялась, отряхнула колени и вскинула голову, презрительно сморщив нос. Да-

же сидя, они был выше нее, но кицунэ выглядела куда более статной и властной.

Лицо они изменилось: напускное дружелюбие и удивление растворились без следа, явив его истинный облик. Брови нахмурились, улыбка обратилась диким оскалом, а заостренные уши дернулись, словно что-то услышали. Мышцы на руках взбугрились, вздулись вены на запястьях, и в воздухе разлилась ки – кровожадная, удушающая и дурно пахнущая.

– Мне говорили, что все лисы без исключения неженки и зазнайки, но я не верил. Зря, очень зря. Так что, лисичка, ты станешь моим следующим обедом. Старика оставлю ворону. Или твой друг такое не ест? – Взглядом они безошибочно нашел в вышине Карасу-тэнгу, достал из-за камня и бросил в сторону Генко мешок. Окровавленное дно и запахи пота, мускуса и страха дали четкое представление о том, что именно в нем хранилось.

Карасу-тэнгу приземлился между мешком и Генко, не то прикрывая подругу, не то желая убедиться, что там действительно находились останки старика. Лицо его было бесстрастно, но Генко чувствовала в запахе ворона ярость. Да, вороны питались падалью, но на поле битвы, а не в качестве подачки от они. И тем более не Карасу-тэнгу – посланник ками.

– Забери тело и доставь туда, где мужчина погиб. Если вернешься раньше – не вмешивайся, это мой бой, – не отводя взгляд от застывшего демона, произнесла Генко.

Хвосты ее подметали землю, выдавая напряжение, но голос не дрогнул.

– Справишься?

– И не таких усмиряла.

Они расхохотался. Звук был похож на грохот камнепада – громкий и такой же резкий, вызывающий желание закрыть уши и сбежать подальше.

– Милая лисичка, это мы еще посмотрим. – Демон усмехнулся, демонстрируя полный рот острых зубов.

Карасу-тэнгу бросил последний взгляд на они, крепко ухватил мешок когтистыми пальцами и взлетел, устремляясь к месту своего назначения. Генко же выглядела скучающей. Лисы за ее спиной беспрестанно наматывали круги, хищными взглядами осматривая они, и лаяли. Они казались не испуганными, а взволнованными, ожидающими хорошей битвы.

– Ну что, лисичка, сразимся? Говорят, мясо вашего вида вкусное. Я попробую, ладно?

Они поднялся, не дождавшись ответа, стал выше почти в два раза и демонстративно размял кулаки, хрустнув суставами пальцев. Дубина-тэцубо, прежде привязанная к спине, металлическая, массивная, шипастая, в половину роста самого демона, потемневшая от крови жертв, которых успела погубить, и источающая миазмы проклятия, легко легла в руку они. Он лениво покрутил ее, словно примеряясь, удобно ли ее держать в ладони, а после криво усмехнулся,

явно удовлетворенный результатом.

Это было не совсем нормально. Не только то, что столь молодой они так легко и незаметно прокрался на земли Генко, но и то, насколько он оказался уверен в себе. Каждый демон был умен и хитер; не просто так люди слагали легенды о том, как они их обманывали. Кого же смог одурачить этот они, что проник в защищенные чарами горы Генко и обошел ее лисиц? Но больше ее настораживала его сила, почти осязаемая.

Генко неотрывно следила за движениями противника, проигрывая в голове предстоящее сражение. Шаг его был тяжелым, они проваливался в снег, это мешало ему двигаться свободно, так что увернуться получится легко. Горло – слабое место, но вот добраться до него будет проблематично – длинные руки с тэцубо в придачу станут преградой. Высокий рост может как помочь демону, так и сыграть с ним злую шутку; здесь все будет зависеть от умений Генко. Молодой, но с большим количеством шрамов, возможно, недостаточно ловкий, чтобы без последствий уклоняться от атак…

Грохот шагов прервал поток мыслей Генко, и она тут же скользнула вниз, припадая грудью к земле и уклоняясь от пролетевшей над головой палицы. Они действительно оказался быстрым. Не теряя времени, он моментально перестроился и поднял ногу в попытке раздавить кицунэ, но во вторую ногу, опорную, тут же вцепились лисы, позволяя Генко откатиться в сторону и избежать удара.

Демон тяжело навалился на занесенную ногу и мощным движением тряхнул второй. Лисы с пронзительным визгом разлетелись в стороны. Они падали в снег и ударялись о деревья, но их место тут же занимали другие лисицы. Демон взмахнул тэцубо, сметая со своего пути помощников Генко, пока сама кицунэ поднималась на ноги и обдумывала следующий шаг.

Кицунэ-би – маленькие шарики лисьего огня – заплясали на ладонях Генко, становясь все больше и больше, пока не выросли до размеров головы они. Она тут же запустила сначала одним шаром, потом вторым. Одежда демона вспыхнула, и Генко бросилась в атаку. Лисы, не дожидаясь приказа, кинулись демону под ноги в надежде повалить того на землю, но были отброшены назад новым ударом дубины.

По лесу прокатился еще один раскат смеха они.

Стянув с себя остатки пылающей накидки, демон небрежно бросил ее на землю, оставшись только в набедренной повязке из тигриной шкуры. Широкую грудь покрывало еще больше шрамов. Они отчего-то стал казаться еще выше и шире, будто одежда умаляла его размеры.

– Лисичка, такой мелочью меня не пронять! – Они хохотнул, поигрывая тэцубо, и как бы между делом ударил ею нескольких подвернувшихся под руку лисиц. Жалобно тявкнув, они рухнули в снег, окрасив его в багровый цвет и замолчав навеки. Остальные лисы предупреждающе зарычали, но демон не обратил на них никакого внимания, полностью

сконцентрировавшись на Генко.

Кицунэ рыкнула, не сдержавшись, впервые показав свою ненависть и ярость, но это вызвало новый приступ смеха у демона.

– Лисичка, видишь эти шрамы? – ткнув себе в правую половину груди, где виднелись хаотичные следы когтей, спросил они. – Я лично нанес себе каждый из них когтем ёкая, который служил ками и которого я убил. Еще ни один из вашей братии не ушел от меня живым. Вот эти принадлежали тэнгу. – Он показал на переплетение шести рубцов. – А эти – кицунэ. Вот эти – тануки, а здесь – бакэнэко[25].

Называя каждого нового ёкая, они прикасался к разным созвездиям шрамов. Отметин от когтей тануки оказалось больше всего, кицунэ и бакэнэко – по паре, но в сумме шрамов было не менее двадцати.

Как минимум двадцать убитых ёкаев в столь юном для демона возрасте, и такое количество – не предел, Генко знала об этом. И в тот же миг…

Лес вспыхнул.

Деревья загорелись в одно мгновение, синим пламенем полыхая вокруг Генко. Хвосты ее высоко поднялись, и над каждым горел кицунэ-би, освещая мрачным ореолом лису и удлиняя тени ее помощников. Воздух замерцал, в нем разлился аромат жасмина с переплетением удушающей ки – те-

---

[25] Кошка-оборотень в японской мифологии, обладающая магическими способностями.

перь уже принадлежащей Генко.

Они недоуменно нахмурился, глядя на кольцо пылающих деревьев. Высокомерная и жестокая ухмылка исчезла с его лица, оставив место замешательству. Казалось, что он впервые чувствовал растерянность.

Генко рванула к демону молниеносно, выпуская когти и метя в район живота. Не ожидавший этого демон не успел увернуться, за что и поплатился – теперь в его боку виднелись четыре рваные раны, из которых стекала густая, как смола, темная кровь. Они взревел, резко оборачиваясь за Генко, но та увильнула, на ходу вспарывая икру на правой ноге. Боль, усиленная лисьем пламенем, была столь ошеломляющей, что они тут же припал на одну ногу. Лисы волной кинулись на демона. Он отбивался, снося лисиц десятками, но выжившие вставали и нападали снова, а место павших тут же занимали другие, будто не было им конца.

Генко вновь напала. Выверенным движением она рубанула когтями по запястью демона, разрывая сухожилия, чтобы они не мог больше орудовать тэцубо. Дубина вместе с кистью рухнула на землю под рев демона и лай лисиц. Они с трудом извернулся, вторым кулаком отбросив от себя сразу нескольких лисиц, и тут же попытался прикрепить кисть к телу. Вот только обожженная лисьим пламенем культя отказывалась приращивать к себе руку, и они, разъяренный, как бык, устремился на Генко.

Кицунэ увернулась, грациозно уйдя в сторону, и вцепи-

лась когтями в другой – целый – бок они. Кровь залила кимоно, окрасив его в черный, но Генко лишь отряхнула руку и пригнулась, готовая в последний раз атаковать.

Они зарычал. За его спиной упали сожженные деревья, искры от которых попали на полуобнаженное тело демона, но он даже не заметил этого. Маленькие черные глазки пылали такой неконтролируемой яростью и ненавистью, что Генко просто не смогла устоять – ухмыльнувшись, она злорадно спросила:

– Как думаешь, сможешь от меня уйти?

Взяв разбег, Генко подпрыгнула и приземлилась точно на они, повалив того на землю. Впившись когтями одной руки ему в плечо, кицунэ занесла вторую, чтобы ударить его в шею и покончить с демоном, но атака кулаком в голову свалила ее в снег, оглушив на мгновение. Следующего удара не последовало. Лисы вновь напали на они, облепив его с ног до головы. Демон рычал и выкрикивал проклятия, обещая смерть всем, кто его ранил.

Генко тряхнула головой, отгоняя наваждение, но та продолжала гудеть, не давая возможности сосредоточиться. Впрочем, полная концентрация сейчас и не требовалась. Лисы, даже умирая, все равно продолжали сдерживать демона, давили его, мешая сдвинуться. Генко встала на колени, тяжело дыша. Размяв пальцы, она позволила огню охватить руку и вновь нависла над они. Впервые с момента их встречи в его глазах плескались неуверенность и страх.

– Будь благодарен, я дарую тебе быструю смерть.

– Ненав…

Голос его оборвался. Из перебитого горла с булькающим звуком медленно стекала кровь, когда демон безуспешно пытался вдохнуть. Обожженная пламенем плоть ёкая не могла срастись, и в глазах они все отчетливее отражался ужас и осознание надвигающейся смерти. Тело еще пыталось трепыхаться, но постепенно стихли даже самые мелкие движения, и лисицы отступили, принимаясь зализывать раны и заботиться о пострадавших.

Генко нахмурилась, наблюдая, как последняя искра жизни покинула они. Молодой, но сильный, погубивший так много ёкаев. Дурное предзнаменование, она не сомневалась в этом. Да и его слова…

– Ты не пострадала? – Карасу-тэнгу тихо спустился на землю, осматривая убитого, задержал взгляд на следах когтей на его груди.

– Ничего серьезного, – отмахнулась Генко. Быть божественной помощницей, даже в изгнании, значило иметь потрясающие способности к исцелению. Голова больше не кружилась, но все еще отдавала легкой тупой болью, которая тоже вскоре уйдет.

– В чем тогда дело? Ты выглядишь напряженной.

– Слышал, что он сказал? «Мне говорили, но я не верил». Они одиночки. Крайне редко собираются группами, но даже так зачастую начинают между собой драки, пока не останет-

ся только один. Кто и почему мог ему говорить о кицунэ? Зачем ему это знать? – Генко недовольно поморщилась и нахмурилась.

– Ты думаешь, что-то грядет?

– Слишком много плохих знамений: война людей, из-за которой ками недовольны, меньшие урожаи на прежде плодородных землях Сиракавы, появление они в моих землях, куда ёкаи не забредают просто так. Еще парочка – и я буду убеждена, что близится что-то очень плохое.

– Но ками молчат и не говорят о дурных знаках, пусть и недовольны людьми. – Карасу-тэнгу настороженно взъерошил перья. В божественном чертоге спокойно и пока никаких тревожных слухов, но если действительно случится что-то из ряда вон выходящее… Всем им следовало надеяться, что это можно будет предотвратить заранее.

– Увы, ками не так часто бывают на земле, чтобы знать всё.

Карасу-тэнгу промолчал, отведя взгляд и тяжело вздохнув. Генко его понимала: позиция независимого наблюдателя, которую он занимал испокон веков, порой слишком утомляла.

Журчание и свежесть воды отвлекли тэнгу и Генко от размышлений. Взволнованный, высокий голос взвился над синим пламенем деревьев, заставив Генко виновато прикусить губу:

– Что тут произошло?!

– Здравствуй, Озему-кун[26]. Прости, но я тут немного… сражалась.

Божество реки перевело ошарашенный взгляд с горящих деревьев на убитых и раненых лис, осмотрело мертвого они и, наконец, остановилось на Генко и Карасу-тэнгу.

– «Немного»? – Голос Озему стал еще выше, а вслед за вопросом на пылающий лес обрушилась волна воды, заглушая пламя.

Облитые с ног до головы Генко и тэнгу тяжело вздохнули, когда лисы принялись возмущенно лаять. Озему недовольно и раздраженно смотрел на виновницу происходящего и ждал пояснений.

– Что ж, это будет неприятный разговор… Только дай сначала позаботиться о моих лисах.

---

[26] Кун – суффикс, используемый в обращении к младшему по возрасту или социальному положению человеку. Обычно употребляют по отношению к мужскому полу.

Глава 3. Долгожданный гость

К своим двадцати трем годам Такаги Йосинори вполне заслуженно считался одним из наиболее известных оммёдзи. Согласно записям Бюро, он был сильнейшим пользователем оммёдо за последнюю тысячу лет. Спас императора от проклятия, которое наслала на него наложница Тамамо-но-Маэ – жаждавшая власти кицунэ. Был он известен и своей способностью командовать ёкаями, которая досталась ему по наследству и которую многие священнослужители считали дурным предзнаменованием. Но сам Йосинори полагал, что лучше бы его прославило стремление во всем докопаться до сути, чем то, о чем предпочитали судачить

люди.

Он брался за сложнейшую работу, и именно по этой причине Йосинори решил разобраться с демонической лисой в провинции Ямасиро[27] относительно недалеко от столицы Хэйан[28], в маленькой деревне в горах, в которой вдруг стали происходить бесчинства нечисти. Он хотел ответов и намеревался их получить.

Все началось с простой, даже случайной встречи. Йосинори в очередной раз проверил состояние здоровья императора и тихо прошмыгнул в проход для слуг, чтобы избежать шквала льстивых фраз от министров и даймё[29]. Встречные слуги почтительно кланялись оммёдзи, а он молча склонял голову в ответ и шел дальше по своим делам. Йосинори смог беспрепятственно покинуть территорию дворца и направился обратно в храм, где жил сейчас вместе с несколькими оммёдзи Бюро, из которых каннуси выбирали себе учеников. Младшая сестрица Аямэ на днях призвала своего восьмого сикигами и теперь официально считалась второй по силе оммёдзи в стране, поэтому стоило поторопиться завершить дела в храме, а после вернуться в Бюро и лично поздравить ее.

Встреченные им мико, все как одна, низко кланялись и не разгибали спины, пока он не проходил мимо. Мико гото-

---

[27] Историческая провинция Японии в регионе Кинки на острове Хонсю. Соответствует южной части префектуры Киото.

[28] Прежняя столица Японии и старое название Киото.

[29] Крупнейшие военные феодалы средневековой Японии.

вились к празднику Камиари – дню почитания всех богов. И пусть Камиари с размахом отмечали только в храме Идзумо Тайся префектуры Симане и остальным святилищам было сложно достичь такого величия в праздновании, мико и каннуси все равно старались изо всех сил, стремясь выказать свое почтение богам.

Скорая зима обещала быть снежной, но осень, словно решив порадовать празднующих, отдавала последнее тепло. Несколько каннуси размышляли о том, продержится ли хорошая погода до Камиари, или все же стоит поставить на территории храма дополнительные жаровни на случай внезапных холодов.

На фоне одетых в белые и бело-красные одеяния священнослужителей выделялся незнакомый мужчина в простом темно-сером, но добротном кимоно. Йосинори он заинтересовал в первую очередь своим рассеянным, даже потерянным видом, будто впервые был в этом храме, поэтому оммёдзи и подошел к нему, желая помочь.

Мужчина был в возрасте – почтенном, но еще не слишком старом. Немного сгорбленная спина и темный загар выдавали в нем деревенского жителя, который большую часть своей жизни проводит в поле.

– Да осветит Аматэрасу-сама ваш день. – Йосинори почтительно поклонился, приветствуя мужчину, который тут же поспешил вернуть поклон. – Вас что-то беспокоит?

– Почтенный, не подскажете ли, к кому мне обратить-

ся? Меня зовут Ивата Такуми, я староста деревни Сиракава. Уже почти двести лет на землях, где стоит наша деревня, живет кицунэ, и мы никак не можем от нее избавиться. Не то чтобы она очень мешала, но в последнее время стало хуже: земли уже не такие плодородные, живности в горах меньше, да и болезни все чаще стали одолевать.

– Вы уже обратились, Ивата-сан, – мягко и легко улыбнулся Йосинори, тут же располагая старосту к себе. – Меня зовут Такаги Йосинори, я оммёдзи.

Ивата опешил и уставился на Йосинори, вероятно удивленный тем, что столь быстро нашел нужного ему человека.

– Ками все же благоволят нашей деревне, раз вы подошли ко мне, почтенный Такаги-сама! – Ивата глубоко поклонился, выражая уважение, а Йосинори с трудом сдержал тяжелый вздох. Заслужил ли он такое отношение просто за то, что проявил интерес к посетителю, который был настолько растерян, что выбивался из обычной толпы верующих и священнослужителей?

– Я еще ничего не сделал. – Вновь легко улыбнувшись, Йосинори вежливо склонил голову в ожидании, когда тот разогнет спину. – Да и не уверен, что смогу выбраться в ближайшее время: здесь, в Хэйане, я нужен нашему императору.

– Конечно, конечно, – тут же закивал Ивата, глядя на оммёдзи с наивным восхищением. – Да и добраться к нам сейчас было бы проблематично: Сиракава находится в полутора

днях пути из Хэйана в сторону Эдо[30], если ехать более долгой северной дорогой. Там, где сейчас расположился сёгун[31] Токугава. В это время нас уже засыпает снегом так, что ни войти ни выйти из деревни.

– Как же вы тогда вернетесь домой? – нахмурился Йосинори, чувствуя замешательство.

– Мы, местные, знаем, как обойти особенно глубокие залежи снега. Не слишком удобно это, но ничего не поделать. А вот гостям тяжело приходится.

– Тогда почему вы сейчас пришли просить о помощи, раз никто не сможет добраться до Сиракавы?

– Чтобы по весне, когда снега сойдут, помощь прибыла и перед сезоном посадки избавиться от проклятой лисы! – словно само собой разумеющееся, выдал Ивата. – У нас же как говорят: все планы на год нужно строить в день Нового года!

Йосинори сдержал еще один тяжелый вздох. Такая наивность и вера в лучшее среди деревенских его всегда одновременно и умиляли, и раздражали. Нельзя же быть настолько простыми и безоговорочно полагаться на то, что о твоей просьбе-прошении вспомнят спустя целый сезон. Вот только глядя на Ивату, Йосинори понимал: тот действительно был убежден, что с его проблемой разберутся, что из столицы

---

[30] Название Токио до 1868 года.

[31] Военные диктаторы, которые фактически управляли Японией большую часть времени.

в забытую богами деревню прибудет оммёдзи или талантливый каннуси – и с кицунэ будет покончено.

Но именно так в итоге и случилось. Ивата во всех подробностях рассказал о бедах своей деревни; прошла зима, уже почти растаял снег, и Йосинори прибыл на своей лошади в Сиракаву, чтобы лично разобраться в происходящем. И, если это действительно будет необходимо, избавиться от кицунэ.

Староста не лгал, когда говорил, что не местные вряд ли доберутся до деревни зимой. С учетом количества снега, который выпал в этом году, наверняка даже деревенским пришлось не сладко, и они оказались отрезанными от остального мира – почти везде, где проезжал Йосинори, снег уже давно сошел, но здесь до сих пор лежали высокие сугробы.

Йосинори повсюду сопровождали любопытные, заинтересованные и даже настороженные взгляды. Он к этому привык. Несмотря на то что оммёдзи помогали людям, им не доверяли, ведь люди, обладающие силой, способной сокрушать демонов, в любой момент могли повернуться спиной к тем, кому помогали еще вчера, и использовать свои способности против них. Хотя зачастую было как раз наоборот: стоило людям получить помощь – как они тут же отворачивались и старались забыть обо всем произошедшем, как о кошмаре. Да и сам Йосинори слишком уж выделялся на фоне деревенских и столичных жителей. Благодаря крови ёкаев, что текла в его теле, он был выше ростом и шире в плечах большинства

людей. Конечно, порой встречались по-настоящему могучие люди, но их было не так много, да и они предпочитали скрываться, а не жить на виду. Никто не любил тех, кто слишком отличался.

Вероятно, потому люди не любили и ёкаев – просто не понимали их и желали сохранить хотя бы видимость покоя и стабильности.

Ивата встретил Йосинори как старого друга. Радостно улыбаясь, он почтительно и низко поклонился, показав пример остальным. Лицо Иваты, пусть и счастливое от встречи, осунулось и несло следы усталости и недосыпа. Всего за одну зиму он, казалось, состарился на несколько лет, и значить это могло только одно – произошло что-то серьезное.

– Добро пожаловать, достопочтенный Такаги-сама! – вежливо произнес Ивата севшим голосом, и приветствие тихим эхом отразилось почти от каждого сиракавца.

Йосинори спешился и вернул поклон, бегло осмотрелся и произнес:

– Пусть ками будут вам благоволить. Меня зовут Такаги Йосинори, и я прибыл помочь вам.

Люди распрямили спины – кто медленно, кто проворно, – но выражение глаз не изменилось: в них, как и прежде, отражалось недоверие. Вот только теперь Йосинори еще и отчетливо видел страх. Но боялись они не Йосинори, а чего-то, с чем ему предстоит разобраться.

– Что произошло?

Стоило ему задать этот вопрос, как, казалось, вся деревня напряглась. Каждый кидал взволнованный взгляд на соседа, жался, неловко переступал с ноги на ногу, а женщины торопились скрыться с глаз: прятались за спинами мужей, отцов или братьев, спешили в свои дома. Дурной знак. Очень дурной.

– На прошлой неделе кто-то разорвал на части старика Ясуо, – сказал молодой сиракавец, и в голосе его не было ожидаемых Йосинори тревоги и печали. – Хотя и так понятно, кто это сделал.

Молодой человек был почти на голову ниже оммёдзи, но держался гордо и статно. На бедре – катана, одежда – не по погоде легкая. Не то юноша шел на тренировку с мечом, не то возвращался с нее. Весь его облик так и кричал о жажде мести, желании показать себя и о горячности натуры, а значит, парень мог влезть в неприятности.

– Разорвали на части? – переспросил Йосинори, прекратив рассматривать юношу и сосредоточившись на его глазах – темных, с бушующим в них желанием ввязаться в драку.

– Кицунэ, которая живет в эти горах, наверняка решила развлечься. Для нее не впервой убивать местных, – злобно, ожесточенно выплюнул юноша. Рука его легла на рукоять катаны и крепко ее сжала.

– Это Уэно Тетсуя, несколько недель назад он сам пытался разобраться с кицунэ, но та оказалась слишком грозным

противником, да еще и хитрой, – сказал Ивата. – Должно быть, вы устали с дороги. Тетсуя-кун проведет вас к нашему храму и познакомит с каннуси, Такаги-сама. Если вы не против, то останетесь жить на территории храма.

Тетсуя не выглядел так, словно ему хотелось заниматься хоть чем-то, кроме сражений, но он смолчал и только недовольно кивнул, бросив на Йосинори раздраженный взгляд, когда тот ответил, что ему все равно, где жить. Кажется, это добавило оммёдзи немного уважения от деревенских, но не настолько, чтобы они тут же прониклись к нему безоговорочной симпатией.

Местные понемногу начинали разбредаться, перешептываясь между собой и искоса, все еще настороженно посматривая на Йосинори. Он на какое-то время задержится в Сиракаве, а следовательно, познакомиться и узнать о нем побольше они еще успеют. Он был не против. Почти в каждой точке страны к нему относились одинаково, так что не стоило и начинать обращать внимание на происходящее.

– За мной, – буркнул Тетсуя, резко развернулся и направился вглубь деревни.

Легко потянув лошадь за удила, Йосинори пошел за своим сопровождающим, попутно осматривая деревню. Дома здесь преимущественно строили в два этажа, с высокими и крутыми крышами. Улица, по которой они шли, вероятно, была главной, учитывая тот факт, что здания на ней казались более аккуратными, чем те, что стояли чуть подальше, да и воз-

никший по пути рынок – не слишком большой, но все же куда внушительнее ожидаемого – еще работал, что свидетельствовало о состоятельности Сиракавы, несмотря на изоляцию.

А точно ли деревня так уж страдала от происков кицунэ?

Тетсуя шел молча, раздраженно пиная попадающиеся под ноги камни и изредка здороваясь с односельчанами. Один из лавочников настоял на том, чтобы его жена сопроводила оммёдзи в храм, – не иначе, чтобы понаблюдать за незнакомцем и после рассказать мужу о впечатлениях, – и Йосинори не смог отказать, чтобы не показаться слишком грубым и неблагодарным. Остаток пути прошел в таком же молчании, лишь с той разницей, что теперь их было трое.

Красные тории[32] выделялись на фоне белого пейзажа ярким пятном. Йосинори благодарно кивнул сопровождающей его женщине, а та молча поклонилась и поспешила скрыться из виду, практически мгновенно затерявшись среди домов. Такое поведение он встречал не впервой, но все равно осадок оставался – не то женщины оказывались слишком уж скромны, да и говорить с мужчинами не могли свободно, не то они боялись, что Йосинори был оммёдзи и возвышался над ними подобно горам, которые окружали Сиракаву. Да и тот факт, что ее буквально заставили быть сопровождающей, тоже не особо благоприятно влиял на ситуацию.

Тетсуя же плелся позади, немного отстав по дороге, и по-

---

[32] П-образные ворота без створок в синтоистском святилище.

прежнему недовольно хмурился и молчал. Наверняка он предпочел бы не провожать оммёдзи, а дальше тренироваться, чтобы отомстить лисе. Но все же добросовестно довел Йосинори до тории и остановился, ожидая, когда к ним придет мико или каннуси. Йосинори тем временем обдумывал то, что успел заприметить.

Выглядело это странно. Если кицунэ была столь агрессивной и злобной, то почему же отпустила Тетсую, не оставив на нем ни царапины, но буквально три дня назад зверски растерзала старика? Тетсуя, судя по его агрессивному выпаду ранее, был уверен, что наверняка она наконец решилась показать свой истинный облик, а староста, очевидно, думал, что тогда кицунэ лишь примерялась к силе подающего надежды мальца. Сам Йосинори очень в этом сомневался. Да и глядя на состояние деревни, он начинал склоняться к тому, что вовсе не лиса, а кто-то другой убил местного. Ведь, судя по всему, за последние десятилетия кицунэ не нападала на сиракавцев или же появились причины это сделать? В любом случае до тех пор, пока он не разыщет доказательства, стоит подобные рассуждения держать при себе.

Со стороны храма раздался перестук гэта[33].

Каннуси Сиракавы был настолько стар, что Йосинори невольно задался вопросом, как этот человек вообще еще жив. Сгорбленная спина застыла параллельно земле, узло-

---

[33] Японские деревянные сандалии.

ватые руки мелко дрожали, а шел он насколько медленно, что и ребенок, только научившийся ходить, смог бы его обогнать. Йосинори терпеливо ждал, когда же каннуси доберется и поприветствует гостя, а затем пригласит его в храм.

– Приветствуем вас, достопочтенный оммёдзи-сама, – прошамкал лишенным зубов ртом священнослужитель, пытаясь поклониться еще ниже, но Йосинори удержал старика, опасаясь, что тот рухнет в снег.

– Да осветит Аматэрасу-сама ваш день, почтенный каннуси, – поклонился он в ответ. – Ивата-сан сказал, что я могу остаться в храме, пока не разберусь с кицунэ.

Каннуси резко поднял на Йосинори нечитаемый, но поразительно острый взгляд, что никак не вязалось с образом немощного старца с замутненными глазами. Покосившись на Тетсую, каннуси кивнул, пытаясь улыбнуться, и негромко ответил:

– Мы будем рады, если вы почтите нас своим присутствием. Меня зовут Джуничи Оота, прошу, следуйте за мной. – Каннуси чуть отступил, безмолвно приглашая войти в храм. – Думаю, ты хотел бы идти тренироваться, Тетсуя-кун. Ступай, дальше мы сами.

Тетсуя словно только этого и ждал – быстро поклонившись, он развернулся и торопливым шагом, изредка срываясь на бег, поспешил покинуть служителей богов.

– Слишком вспыльчив и горяч, но еще не растерял за своим гневом разум и знает, когда стоит отступить, – пробор-

мотал Оота, казалось бы, сам себе, но Йосинори отчетливо понял, что старик говорит вслух специально. – Погибший Ясуо-сан заменил мальчику отца и заботился о нем последние годы. Потому Тетсуя-кун сейчас такой.

Йосинори понимающе кивнул, поклонился перед тории и лишь потом двинулся за каннуси, который уже куда бодрее вошел на территорию храма и остановился у источника, ожидая, когда Йосинори очистится. Оммёдзи быстро омыл руки и рот, вновь поклонился и под одобрительным взглядом Ооты наконец смог осмотреть территорию храма.

Казалось, что внешний мир исчез. Еще когда Йосинори прошел сквозь тории, он отметил, что звуки деревни пропали, сменившись журчанием бегущей неподалеку реки и тихими голосами двух мико, которые подметали двор. Храм казался куда меньше, чем выглядел снаружи, обнесенный высоким каменным забором. Каменные сторожевые лисы храма грозно возвышались над прихожанами и словно предупреждали: не устраивай бесчинства на территории храма. Зал для молитв – хайдэн – казался совсем небольшим, равно как и зал подношений. А вот главное святилище – хондэн – было куда внушительнее. Еще несколько зданий, вероятно, какие-то из них служили жильем каннуси и мико, стояли чуть поодаль.

На территории храма каннуси Оота будто ожил и помолодел на десяток лет. Спина перестала постоянно кланяться земле, дрожь рук ушла, а во взгляде окончательно обоснова-

лась та острота ума, которую Йосинори прежде заметил.

– Не волнуйтесь о своем скакуне, Такаги-сама, мой внук после займется им, – произнес Оота, двигаясь в сторону одного из жилых зданий. – Вещи он тоже принесет, когда расседлает коня.

Йосинори кивнул и пошел за каннуси, который вел оммёдзи к себе домой.

Маленькое жилье не отличалось той просторностью комнат столичных священнослужителей, которые любили говорить, что их достаток является отражением уровня почитания богов. Йосинори считал это простым наживательством за счет подношений, но молчал, как ему всегда велел делать Нобуо-сенсей[34], обучивший Йосинори искусству оммёдо.

В дом тихо вошла мико с чаем, аккуратно поставила чашки и чайник у небольшого очага, тут же разместила чайницу с маття и так же бесшумно вышла, почтительно кланяясь. Каннуси принялся готовить чай.

Какое-то время они сидели в тишине. Каждый пил чай – на вкус Йосинори, даже слишком крепкий – и не проронил ни слова, но когда чаши опустели, то Оота заговорил:

– Что вы намерены делать, Такаги-сама?

– Разобраться с происходящим, – честно ответил Йосинори, положив руки на колени и внимательно глядя на собеседника.

---

[34] Сенсей – суффикс, используемый по отношению к учителю (в широком смысле), наставнику, преподавателю. Часто употребляется как отдельное слово.

– Вы убьете лису? – Взгляд Ооты стал холодным, пронзительным и цепким.

– Только если это будет необходимо.

– Это не нужно, – коротко ответил Оота, ставя свою чашу на низкий столик и будто бы немного расслабившись. – Кицунэ не убивала Ясуо-сан.

– Вы так в этом уверены?

Каннуси улыбнулся едва заметно и немного хитро. Глаза блеснули темным огнем, когда он ответил:

– Вы знаете, кому из ками мы поклоняемся в этом храме? Инари-сама. Богине изобилия и плодородия. И поверьте, наши земли столь богаты урожаями не потому, что я хорошо провожу церемонии, а мико идеально исполняют ритуальные танцы.

Йосинори нахмурился, обдумывая услышанное под пристальным взглядом Ооты. Старик продолжал улыбаться, словно ждал, до чего же додумается его гость, и принялся готовить еще по одной пиале чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.